

Б.Ф.Мартынов

BRICS: «Будем реалистами – потребуем невозможного!»

Первая из статей, подвергающих комплексному анализу феномен BRICS, посвящена глобальной «миссии» этой структуры, пока единственной, способной взять на себя решение наиболее актуальных проблем современности в условиях неспособности существующих юридических структур и так называемого «коллективного Запада» в целом преодолеть негативное развитие событий.

Ключевые слова: BRICS, многополярный мир, глобальные проблемы современности, цивилизационный подход.

С тех пор, как эксперты международного банка «Goldman Sachs» в 2001 г. выпустили в свет акроним BRIC, в Амазонке, Волге, Янцзы и Ганге, утекло уже много воды. В Хайнани (КНР) в апреле 2011 г. прошел третий по счету саммит BRIC, добавивший к акрониму букву «S», а к изначальной «четверке» — ЮАР. Следует полагать, что и воды р. Оранжевая потекут теперь в «восходящем» направлении. Многократно расширились и стали регулярными контакты по линии заинтересованных ведомств стран-участниц, и столь же мощно умножились в мире ряды сторонников и противников нового формата (так называемые «BRICS-оптимисты» и «BRICS-пессимисты»), удел которых — вести интеллектуальные битвы вокруг его будущего. И в нашей стране, и за рубежом появилось немало работ, с разной силой отразивших сполохи этих сражений.

Саммит на Хайнани вновь подогрел интерес к организации, не имеющей пока ни собственного устава, ни несущей структуры и с юридической точки зрения представляющей собой некий «фантом». Были зафиксированы первые безобидные шутки и анекдоты про BRICS, что отразило факт появления народной любви к этому образованию.

Но, «фантом» или не «фантом», а причастные к его появлению страны уже сегодня начинают оказывать коллективное влияние на мировые дела (голосование в Совбезе по ливийской резолюции). Напомним, что на основе общего подхода BRICS удалось обеспечить боевитость новой международной структуры — «двадцатки», добиться принятия на ее саммите в

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (b.martynov@mtu-net.ru).

Лондоне в сентябре 2009 г. решения о перераспределении 5% голосов в МВФ и 3% голосов во Всемирном банке от старых членов в пользу новых «восходящих» экономик. Вопрос не закрыт, и перераспределение (пока далеко недостаточное с учетом превращения Китая во вторую экономику мира), наверняка, продолжится. На саммите в Бразилиа в 2010 г. ведущие банки «четверки» подписали меморандум о сотрудничестве, который стал первым практическим документом, ориентированным на создание ими собственной финансовой инфраструктуры, а в Хайнани начали договариваться об отходе от доллара в качестве универсального средства расчетов.

Неизвестно еще, как далеко в условиях коллективной неадекватности «коллективного Запада» (об этом речь пойдет ниже) распространит свое влияние группа BRICS. Это если не касаться динамики экономического роста Китая, Индии, Бразилии, России и ЮАР, которая заставила экспертов «Goldman Sachs» в 2005 г. передвинуть сроки, когда теперь уже «пятерка» по объему ВВП окончательно «положит на лопатки» «семерку». Результаты глобального кризиса, не затронувшего BRICS в той же степени, что и страны Запада, подтвердили эти прогнозы. Можно констатировать: BRICS больше не воспринимается как что-то экзотическое или как разношерстный набор аутсайдеров («в одну телегу впрячь не можно...»), рискнувших оспаривать лавры «мэтров» мировой экономики и политики.

Но попробуем отрешиться от избыточной сенсационности. О чем свидетельствует само появление BRICS? Ведь считать, что «странам-гигантам» так «понравился» прогноз «Goldman Sachs», что они тут же решили «подстроиться» под него, было бы нелепо. И, самое главное: *что нового может внести это объединение в решение наиболее острых глобальных проблем современности?* Напомним, если кто-то еще тешит себя иллюзиями по поводу способности существующих структур оперативно реагировать на глобальные вызовы, то **ни по одному из них пока еще не было принято никаких ответственных решений.** При том, что количество этих вызовов неуклонно растет, а их глубина и драматизм (если судить по масс-медиа, кино- и видеоблокбастерам) начинают навевать на людей катастрофические предчувствия с оттенком некой фатальности.

Рассмотрим эти вопросы последовательно, тем более что у нас накопился хороший теоретический задел из публикаций, посвященных BRICS, которые были изданы в нашей стране и за рубежом. Остановимся более подробно на двух российских и двух иностранных. Это — монография В.М.Давыдова и А.В.Бобровникова «Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике» (М., ИЛА РАН, 2009) и сборник «БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия» (М., ИЛА РАН, РУДН, 2010). Нас будут интересовать также сборник выступлений экспертов, собравшихся в Нью-Дели в рамках «второго трека» в мае 2009 г., незадолго до первого саммита BRIC в Екатеринбурге — «BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, India and China» («BRIC в новом миропорядке. Перспективы Бразилии, Индии и Китая», Нью-Дели, 2010) и монография известного бразильского юриста-международника Пауло Борба Казелла «BRIC. Brasil, Rússia, Índia, China e África do Sul. Uma perspectiva de cooperação internacional» («BRIC. Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. Перспектива международного сотрудничества», Сан-Пауло, 2010). Но это совсем не значит, что наша объемная статья будет носить характер рецен-

зии. Автору хотелось придать ей вид некоего эссе с опорой на эти и другие публикации, которые появились за последнее время, а подобный жанр предполагает отход от строгой привязки к конкретным текстам и допускает свободомыслие в рамках избранной темы.

«ЗАРЯ НОВОЙ ЭРЫ» ИЛИ «*BUSINESS AS USUAL*» ?

Что касается вопроса, «откуда есть пошла» BRICS, то у международных экспертов стало хорошим тоном вспоминать 1997 г., когда тогдашний наш министр иностранных дел Е.М.Примаков выступил с идеей создания блока РИК (Россия, Индия, Китай). Примерно в то же время идея сотрудничества «восходящих стран-гигантов» (или по специфической бразильской терминологии «стран-китов» — *países-baleias*), начала пробивать себе путь в Бразилии. Можно вспомнить ШОС, где Россия и Китай сотрудничают по широкому кругу проблем (туда, кстати, стремится попасть Индия), и организацию IBAS (Индия, Бразилия, ЮАР), предназначенную обеспечить безопасность в Южной Атлантике и помощь беднейшим государствам планеты. Значит, «корни» BRICS залегают глубже и подпитываются *не только* перспективой наращивания их совокупного экономического веса, из чего напрашивается логический вывод о том, что и потенциальная «отдача» от BRICS может быть гораздо сильнее, чем это принято считать.

И тут же В.М.Давыдов и А.В.Бобровников говорят нам, что «укрепление альтернативных центров мировой системы — это *ключевой тренд*, отражающий содержание переходности нового этапа в направлении формирования многополярного мироустройства», причем речь у них идет о «*включении нового типа*»¹. Как же в таком случае не задуматься о том, что BRICS, по сути дела, *уже вышла* за рамки экономики и претендует на нечто большее? В Нью-Дели бразильский дипломат и ученый Маркос Азамбужа высказался, например, в том смысле, что предназначение BRIC — «стать *modus operandi* XXI в., лишенным бюрократической параферналии, которая столь типична для структур из прошлого исторического контекста».² При этом большая часть «BRICS-оптимистов» в желании обрисовать перспективы нового формата как раз и упирает на его новизну, своеобразие, непохожесть на старые схемы и т.д., с сожалением отмечая присутствие в массовом сознании «инерции восприятия того, что можно квалифицировать как международное объединение»³.

Но «пессимисты» не намерены складывать оружие. Они вполне резонно отмечают противоречия между «восходящими» гигантами, которые не способны, по их мнению, перешагнуть за рамки «национальных эгоизмов». Растущая взаимозависимость производителей (Россия, Бразилия) и потребителей (Китай, Индия, ЮАР) углеводородного сырья совсем не обязательно, считают они, может быть гарантией их безоблачного существования в будущем. Учитывая всю предшествующую мировую практику, она может вылиться в «разброд» BRICS по традиционным «квартирам», где одни станут «косо» смотреть на других. Несмотря на отмечаемые многими «колоссальные перспективы» как в торговле традиционными товарами, так и в новых областях сотрудничества, конечно же, нельзя игнорировать факта усиления взаимной конкуренции между странами BRICS на региональных и мировых рынках⁴. Экспансия товаров из Поднебесной в Ла-

тинской Америке уже привела к тому, что главным оппонентом Бразилии в ВТО на сегодняшний день является Китай (8 споров из 18-ти). «Для многих бразильских экспортеров Китай стал главной угрозой. Он способен заполнить своими товарами рынок самой Бразилии и вытеснить ее с международных», — отмечал бразильский эксперт Данте Мендес⁵. Недалеко «ушла» и Индия, конкурирующая с «латиноамериканским гигантом» в области металлургии и программного обеспечения. Становление России как мирового сельхозпроизводителя зависит от первой пятерки «аграрных монстров» (куда входит и Бразилия), а те отнюдь не склонны радостно принимать в свои ряды новичков. Список реальных и потенциальных объектов для разногласий можно было бы продолжить и далее. Итак, вновь сталь, куры, свинина, самолеты, детские игрушки и пр. встают на пути давно назревших перемен в мировой экономике и политике?

И это еще не все. «Страны БРИК в принципе не интегрируемы в глобальную иерархическую систему без их предварительного преобразования, снижающего (хотя бы частично) потенциал их развития и самостоятельности. Элиты ведущих региональных держав слабо интегрируемы в элиту западного сообщества... Эти государства не готовы к созданию собственных устойчивых сфер влияния за пределами сопредельных регионов. Они не очень стремятся брать кого-нибудь под свою опеку и тем более делать это в противовес действиям США и их союзников. В отличие от СССР они не являются сверхдержавами в полном смысле и не стремятся распространять свои идеологические установки и политическое влияние в глобальных масштабах, открыто борются за раздел сфер влияния с США в тех регионах, которые не входят в зону их жизненно важных интересов. Не обладая соответствующими возможностями и идейно-политической мотивацией, они не стремятся вести игру с «нулевой суммой», в которой каждый проигрыш оппонента является победой, а собственный проигрыш — победой противника»⁶.

«Но, вот и прекрасно!», — могли бы возразить на это «оптимисты». Мир давно уже нуждается в появлении альтернативы дискредитировавшим себя методам и основанным на них структурам. Любая коррекция политики BRICS хотя бы в одном из тех направлений, на которые указывалось выше, — считают они — наверняка поставит крест на самой идее этого нового формата, автоматически превратив его в подобие старых, ибо его «нельзя воспринимать, исходя из стереотипов XX в., отличавшегося жесткой биполярной структурой. БРИК — реакция на новую реальность, на переходную ситуацию XXI в., ведущую к многополярному миропорядку», — как утверждает Давыдов. Главное на сегодняшний день преимущество BRICS в том, что «это не группа будущих членов Г-8. Его философия и ориентация совершенно иные», — поддерживает российского коллегу профессор Университета Джавахарлала Неру (Индия) Абдул Нафей⁷. «Анализируя «плюсы» и «минусы» современного мира, нельзя позволять себе руководствоваться категориями мира минувшего», — резюмирует П.Борба Казелла⁸.

Так, кто же прав? Для нас пока что очевидно только одно: «по большому счету» спор идет уже не об экономике, а о философии мировой политики и даже шире — о *судьбах мировой цивилизации и культуры*.

Появление организаций — юридических «фантомов» (вроде Г-7, Г-8, Г-20 и BRICS) показатель само по себе. Оно свидетельствует, что *мировая политика давно находится в состоянии некоего хаоса*, и что *доверия к*

тем формальным структурам международного сотрудничества, которые сложились в годы «холодной войны», но зримо потеряли в весе и авторитете после ее окончания, *попросту нет*. Вопреки либералам, которые в начале 90-х годов усердно продавали неофитам идею грядущего торжества права (блажен, кто верует!), сила права в мировой политике так и не заступила на место права силы. Позволим себе «кощунственное» утверждение о том, что и *не могла* заступить. Все обходные пути готовились заранее. Чем было, например, создание неформальной Г-7 в 1975 г.* как ни попыткой крупнейших экономик Запада начать играть по своим правилам? «Коллективный Запад» во главе с США, очевидно, не хотел, чтобы к нему применялись правила «для всех».

Тренд решительно заявил о себе после развала альтернативной системы в лице СССР. Однако к 10-м годам нового столетия сепаратистские интенции Запада (главенствует «Золотой миллиард», остальные — побоку), представленные в виде трогательной заботы о демократии, универсальных правах и свободах, доказали свою несостоятельность и контрпродуктивность как в Афганистане и Ираке, так и на примере глобального кризиса. А самое главное: *они содействовали все большему «обрастанию» мира сонмом глобальных проблем, которые углублялись в условиях навязываемой однополярности: экологической, климатической, истощения ресурсов, терроризма, наркоторговли, массовых миграций людей, агрессивного национализма и религиозного экстремизма, торгового протекционизма, трансграничной преступности и т.д.*

В этом смысле показательным было прозвучавшее в 2007 г. (еще до удара кризиса!) признание рупора либеральной идеологии — лондонского журнала «The Economist», что «мир переживает дефицит авторитета»⁹. Еще раньше тревогами «мира без власти» озаботился журнал «Foreign Policy»¹⁰, после чего тревожные прогнозы посыпались, как из рога изобилия. Но «авторитета» в мировой политике с тех пор, естественно, не прибавилось. Наоборот, теперь, когда острая фаза кризиса вроде бы миновала, потихоньку стали затихать и разговоры о необходимости кардинальных реформ в мировой политике и экономике. Под влиянием усиления **стратегической непредсказуемости** (события на арабском Востоке и в Ливии) и дальнейшего падения авторитета ООН (кого нынче заботит, как трактуются резолюции Совбеза?) довольно четко обозначились элементы разброда и шатания внутри самого «коллективного Запада», первые признаки которого отмечались еще во время иракских событий 2003 г.

И здесь стоило бы задуматься над соотношением между парадигмой восхождения новых глобальных величин (помимо BRICS наблюдаются еще и другие) и тем, что США, ЕС и Япония *«уже в полной мере реализовали свой потенциал восхождения»* (курсив мой. — Б.М.), и что «при всем желании США сохранить доминанту «монополярной модели» ее можно отнести преимущественно к 90-м годам»¹¹.

В монографии Давыдова и Бобровникова этот тезис — один из центральных. Бразильский экономист Роберто Тейшейра де Коста с конкретными

* Ежегодным совещаниям «семерки» индустриально развитых стран Запада и Японии положила начало встреча в Рамбуйе в ноябре 1975 г., проведенная по инициативе президента Франции Валери Жискар д'Эстена. Постепенно эти встречи вышли за рамки «чистой» экономики и начали затрагивать все более широкие вопросы мировой безопасности и политики.

цифрами в руках также отмечает «ослабление Соединенных Штатов как глобального экономического лидера, трудности, испытываемые ЕС в деле консолидации своего политического веса, и относительную потерю Японией своей глобальной значимости как факторы, создающие принципиально новую ситуацию на мировой шахматной доске»¹². Академик Н.А.Симония доказывает, что «Соединенные Штаты уже давно прошли пик своего могущества, и настоячивые усилия сохранить сверхдержавность только ускоряют их движение по наклонной плоскости»¹³, да и эксперты «Goldman Sachs» не спешат пересматривать свои прогнозы. В действительности трудно что-то противопоставить конкретным экономическим показателям.

Но осмелимся предположить, что экономические показатели — это все же вещь переменчивая. Уроки кризиса показали, что сегодня цифры — одни, а завтра они могут стать совсем другими*, вчерашние негативные тренды за короткий промежуток времени вполне могут преобразоваться в позитивные и наоборот. Тем более что нам, *привыкшим* к «классической» расстановке сил в мировой экономике и политике, трудно приучить себя к мысли о том, что потенциал восхождения «коллективного Запада» (которое началось еще с эпохи Великих географических открытий и первой промышленной революции) будто бы уже «исчерпан». Возможно, именно *неспособность поверить* в то, что *вестернизация* когда-нибудь заменится *истернизацией и саутизацией*, и лежит в основе того, что «BRICS-пессимисты» отвергают идею восхождения новых и заката старых «звезд» на мировом политическом небосклоне.

Но если экономика — не главный показатель долговременных трендов мирового развития**, тогда — что же?

Думается, что всем, кто так или иначе интересуется вопросами социального бытия, пора, наконец, начать уделять более пристальное внимание *человеку* — фактору, который оказывает *решающее* воздействие на формирование *отношений* (в том числе и экономических) в рамках стабильных социумов (а не наоборот!). С точки зрения главенства этого фактора *цивилизация, религия и культура, национальная психология и национальное самочувствие (витальность)* как раз и есть те самые долговременные составляющие, от которых зависит прогресс (или регресс) государств и народов.

На протяжении последних пяти с половиной столетий иудейско-христианская цивилизационно-культурная парадигма придавала невиданный динамизм тому, что впоследствии будет названо «цивилизацией Запада», командировав наиболее смелых ее представителей «за тридевять земель», дабы нести туда «свет Истинной Веры» (а в результате — вовлекать в хозяйственный оборот огромные пространства земли и массы людей).

* Стоит обратить внимание на статью в журнале «Foreign Policy» за март-апрель 2004 г., в которой по такому показателю, как *Индекс глобализации*, составленному на основе разнообразных экономических показателей, первое место в мире заняла Ирландия. Спустя всего четыре года она, как известно, оказалась среди самых «неблагополучных» стран европейского континента.

** Довольно типичен прогноз *политического* развития стран и регионов на ближайшие годы на основе *экономического* анализа, сделанный журналом «The Economist». В категорию государств с «высоким» политическим риском вошли Россия, Казахстан, Саудовская Аравия, Бирма, с «умеренным» — Египет, Ливия, Сирия, Судан. Афганистан (!) каким-то образом оказался в зоне «очень низкой» его вероятности. — «The Economist». The World in 2008. London, 2009, p. 145.

Позднее протестантская этика («дело Вебера живет и побеждает!») дала этой цивилизации дополнительный мощный материальный стимул, вынуждая все остальные либо слепо копировать ее (Россия, Япония), либо смиряться с ее, казалось бы, вековечным господством (Индия, Китай). Избыток рационалистического прометеизма находил выход в войнах и революциях, которые в XX в. окончательно убедили всех, что «история человечества — история войн».

Если очень грубо обобщить победную траекторию восхождения «коллективного Запада», то, наверное, надо отметить присутствие у него *особой синергии*, основанной на *собственных ценностях*, «в разы» превосходивших по своему историческому смыслу и предназначению ценности и, соответственно, энергетику всех других (тоже когда-то великих) цивилизаций.

Но уход с исторической сцены последнего *alter ego* «коллективного Запада» в лице СССР и «мировой соцсистемы» (своего прометеизма и у коммунистов хватало с избытком!) к началу нового столетия серьезно подорвал этот вселенский «драйв», если не окончательно интериоризировал его в рамках нескольких стран. Чтобы не быть голословными и не навлечь на себя упреки в излишнем «антизападничестве» (субъективизм — вещь сложная и малоконтролируемая), приведем мнение одного из известнейших европейских психиатров — Энрике Рохаса, статья которого «Гени современной культуры» была опубликована мадридской «El Mundo» в апреле 2001 г.

Избыток материализма, гедонизм и индивидуализм — вот что, по мнению Э.Рохаса, губит западную культуру и западную цивилизацию, производя в умах ее представителей своеобразную *инверсию ценностей*: это когда человек вынужден выстраивать свою жизнь по внешне «блестящим», но примитивным и бескомпромиссным *схемам*, жертвуя собой и своим духовным развитием *ради призрака мишурной и крикливой «свободы»*. «Эра пустоты», — так характеризует свое время Рохас, — приводит к росту пресыщенности, апатии и индифферентности в сознании европейцев. «Всеудушающий» моральный нейтрализм, отсутствие четких критериев и убийственное равнодушие — вот, на что наталкиваются в оскудевших сердцах европейцев постоянно нарастающие потоки самой разнообразной (порой весьма трагичной!) информации о событиях в мире. Информация, как культура, религия, секс и многое другое, становится *товаром*, они *потребляются*, «при этом никого не делая лучше». «Жизнь без идеалов и великих целей с единственной жадой — потреблять. Так проходят годы, но никто не ропщет. Европа агонизирует»¹⁴, — с горечью заключает профессор. Другой известный психолог — американец Филипп Зимбардо — написал следующее: «Экономический успех стал у нас мерилем счастья. Но доходы, превышающие необходимые потребности человека, счастья, как правило, не приносят. То, что в жизни действительно важно, лежит не на поверхности. Оно внутри нас — внутреннее, духовное счастье»¹⁵.

Если для того, чтобы показать пороки цивилизации, нужен врач, это, согласимся, нехороший признак. Выкладки о растущих расходах Запада (особенно США) на образование и науку, приводимые обычно в доказательство его безостановочного «прогресса», думается, все же не очень убедительны, поскольку сегодня и образование, и наука на 90 (если не больше!) процентов обслуживают *коммерцию*. Но вот вопрос: делает ли человека счастливым приобретение все новых и новых супернавороченных «гаджетов», которые последовательно подменяют ему реальный мир виртуаль-

ным*? На него лучше всех ответил Сократ еще в III в. до н.э.: «Сколько же появилось на свете вещей, которые мне абсолютно не нужны!».

«Свободный от любых форм контроля научный прогресс» (а именно такой, отметим, самым качественным образом обслуживает вмененное потребление) есть, по мнению Фрэнсиса Фукуямы, «наилучшая гарантия изменения и вырождения человека как биологической особи»¹⁶. Ну, что же, значит, всем нам пора вплотную задуматься об обеспечении биоинженерной и генетической безопасности, а заодно и о том, не следует ли, наконец, считать политкорректность изощренной разновидностью манкуртизации...

Мнение специалистов подтверждается таким неполиткорректным (а потому и малоафишируемым) показателем, как статистика самоубийств. Согласно ей, в 2009 г. таковой «зашкаливал» в благополучной Финляндии (18,3 на 100 тыс. человек), Бельгии (17,6), Франции (17,0), Швеции (13,2), Австрии (12,8), Норвегии (11,6), США (11,1). Наконец, в Южной Корее и Японии (самые высокие показатели среди развитых государств) он достигал, соответственно, 31,0 и 24,4. При этом большинство «восходящих» и развивающихся государств занимали места в нижней части этой грустной таблицы. Для сравнения: КНР — 6,6, Бразилия — 4,6, Мексика — 4,0, Доминиканская Республика — 1,6, Перу — 0,9¹⁷. Это — если за неимением времени и случая не залезать в еще труднее добываемую статистику разводов, роста наркомании и преступности, числа умалишенных. Читатель здесь наверняка заинтересуется российской статистикой. К сожалению, как раз именно в этом наша страна ни в чем не отстает от самых «передовых». Ее показатель за 2001 г. — 32,1¹⁸. Но о России речь пойдет в нашей следующей статье.

Американский ученый Джозеф Киршнер (однофамилец бывшего президента Аргентины) важнейшим аспектом безопасности государства считает его «жизненную силу» или *витальность*. Витальность США как неформального центра силы цивилизации «коллективного Запада», по его мнению, серьезно пострадала после ухода с исторической сцены главного конкурента — СССР, что сразу же отразилось на состоянии их экономики и политики. Но Киршнер не оригинален. Об этом писали многие до него, будут писать и после. «Мы нанесли вам гораздо больший вред, чем вы нам: мы отняли у вас врага», — пошутил однажды в адрес американцев Михаил Сергеевич Горбачев, очевидно, не сознавая до конца всех последствий этого факта. Действительно, уходя с исторической сцены, Советский Союз нанес Западу прощальный удар, действие которого мы сможем оценить в полной мере, возможно, лет еще через 10—15. А пока, вслед за очень многими, возьмем на себя смелость утверждать, что финансово-экономический кризис есть лишь *следствие более широкого социального и морально-политического кризиса всей западной цивилизации***.

* «Хоть новые технологии и экономят время, они — палка о двух концах, и сами вполне способны усиливать чувства стресса, фрустрации и гнева. Примерно треть опрошенных нами в 2004 г. людей признались, что — буквально минутное! — ожидание, пока загрузится их компьютер, раздражало их гораздо больше, чем главные раздражители эпохи 90-х: поиск стоянки для своего автомобиля или ожидание прихода электромонтера или сантехника» (Ph.Z I m b a r d o. The Time Paradox. New York, 2008, p. 332).

** Это близко мнению А.Д.Богатурова о том, что «мировой кризис не закончился, а лишь перешел из финансового в социально-политический». — «Международные процессы», 2010, № 3, с. 4.

Питер Брейгель-старший. Безумная Грета (фрагмент), 1562 г.

больше ассоциируется с центральным персонажем картины Питера Брейгеля-старшего «Безумная Грета». На ней «явно не в себе» старуха бодро шествует в заданном направлении, не обращая внимания на пожары и войны, бушующие вокруг, оставляющие после себя бедлам и кровавый хаос. Действительно, наверное, только психиатру под силу разобраться, как можно одной рукой «бороться» с наркотрафиком, а другой — постоянно стимулировать мировой спрос на зелье пропагандой гедонистического бытия? Как стремиться к нераспространению оружия массового поражения, ратуя за относительность понятия «суверенитет»? Или «противодействовать» международному терроризму, тупо навязывая всем собственную «мораль» и нравы? Или «ограничивать» протекционизм, вводя новые запретительные тарифы? Наконец, как бороться с глобальным потеплением, всемерно *наращивая* вмененное потребление?

Похоже, что самые мрачные пророчества Освальда Шпенглера и других мыслителей начала XX в.* с некоторым запозданием все же начинают сбь-

* Можно привести, например, мнение российского правоведа профессора Г.К.Гинса о том, что «материализм современного мира сделал благополучие своего рода идолом и заглохли другие задачи человеческой культуры, связанные с духовными потребностями» (Г.К.Г и н с. «Новые идеи в праве и основные проблемы современности». Харбин, 1931, с. 599). «Технологический прогресс, — отмечал в 1963 г. американский профессор Эдуард Тейлор, — несомненно, будет продолжаться. Сомнительно, однако, что он поможет улучшению природы человека» (Ed. T a y l o r. The Fall of Dynasties. The Collapse of the Old Order 1905—1922. New York, 1963, p. 395).

ваться. А запоздание было связано с появлением альтернативной системы ценностей, которая время от времени заставляла Запад коллективно «напрягаться». Теперь альтернативы не стало, и — вот вам, пожалуйста: кто-то старается выдумать себе нового врага в лице России или Китая, а кто-то предпочитает «расслабиться и получать удовольствие», не думая о завтрашнем дне. Итак, что же: прощай навсегда великая европейская философия и культура, пассионарность и динамизм европейцев? Здравствуй банальность и духовная импотенция, нулевые темпы роста и моральное вырождение?

Бывший председатель Европарламента испанец Жозеп Борель в одном из выступлений как-то посетовал на то, что Европа в скором времени рискует превратиться в «музей под открытым небом и дом для престарелых», куда представители других, более динамичных наций будут периодически наезжать, чтобы «полюбоваться ушедшим и поучиться тому, как не надо было жить». Следует полагать, что сам г-н Борель, находясь на высоком европейском посту, был непричастен к развитию событий в указанном направлении. Кстати, есть и еще одно, что свидетельствует сегодня в пользу упадка Запада. Это — *качество его правящих элит*. Кто сегодня заменит ему личности типа Рузвельта, Черчилля, де Голля, Аденауэра, Кеннеди, Монне, Тэтчер, Рейгана? — Блэр? Буш-младший? Саркози? Может быть, Сара Пейлин?

Прискорбно, если в традиционном «символе веры» цивилизации Запада — *«cogito, ergo sum»** привычное *«cogito»* когда-нибудь целиком заменится на *«consumo»* (*потреблять*). Но, может быть, подобный исход есть просто не что иное, как доведение западноевропейского рационализма до его логических оснований?

И вот в такой важный исторический момент — как по заявке! — в мировую политику шумно вторгаются BRICS. И сразу же многие, вдохновленные необычным перформансом, захотели увидеть в этом некий вселенский *«message»*. Потому что вряд ли отмечаемый повсеместно интерес общественности и прессы к новому формату мог бы мотивироваться перипетиями по поводу перераспределения голосов в МВФ или МБР. И вряд ли, учитывая все — справедливо отмеченные! — реальные и потенциальные торгово-экономические и прочие противоречия между странами — участниками BRICS, этот интерес мог бы появиться вообще. Его скрытая или открытая мотивация — в поиске людьми ответа на сакраментальный вопрос: *способно или неспособно окажется «восхождение» новых глобальных игроков, которые не относятся к цивилизации Запада, «перенастроить» мировой оркестр в направлении большей сыгранности?* Ибо перспективы BRICS, по мнению многих ее сторонников, заключаются не только в необходимости формального исправления исторически сложившегося прозападного крена в составе и деятельности современных структур глобальной экономики и политики с учетом возросшего влияния «восходящих» стран. Они — в назревшей цивилизационной коррекции всей философии, системы и методов глобального мироустройства с целью адекватного и комплексного прочтения глобальных проблем современности и выработки надлежащих способов их решения. Но «способны ли BRICS предлагать новаторские идеи с тем, чтобы определять пути мирового развития?»¹⁹.

* «Я мыслю, следовательно — существую» (Рене Декарт).

Кто-то мог бы, наверное, отделаться фразой: «поживем — увидим». И отчасти был бы прав. Ведь по сути дела этот формат носит пока *футуристический* характер. Он еще *довольно свежая новость*. Как перевозить его до небес, так и хоронить пока *рано*. На «пик формы» (если все пойдет так, как и предсказано) его участники выйдут лишь к 30-м годам нынешнего столетия. Вот тогда, мол, и поговорим. Дело, однако, в том, что времени нам может не хватить: дефицит авторитета не располагает к долговременным паузам.

Учитывая закономерную разницу конкретных политических интересов «пятерки»* по отдельности, осмелимся предположить, что их коллективный *message* уже выходит за рамки обыденного. Дело в том, что сама *модель* «врастания» BRICS в верхние эшелоны глобального экономического и политического влияния, в отличие от парадигмы восхождения всех без исключения «великих держав» в XX в. (в том числе, разумеется, и США), основывается на использовании *мягкой силы* («soft power» — по терминологии Джозефа Ная)**. А избранные средства, как мы с вами хорошо знаем, самым непосредственным образом влияют на содержание поставленной цели. Задача сохранения и приумножения «мягкой силы» не предполагает действий по отработанным шаблонам и зависит не от военно-силовых факторов, а от целого комплекса иных — экономических, политических, информационно-культурных и прочих, которые формируют благоприятный внешний имидж страны, способствуя осуществлению ее лидерских амбиций. Поэтому вслед за теми экспертами, которые высказывали близкую точку зрения в Нью-Дели, Бразилиа и Москве, мы можем предположить, что для BRICS характерен совместный (возможно в чем-то еще интуитивный) поиск *альтернативной модели глобального развития*, основанной на утверждении многоцивилизационности в политике и сбалансированности в мировой экономике и торговле и на попытках внедрения элементов социальной справедливости в их внутреннюю жизнь. Хочется думать, что эти страны способны дать миру «последний шанс», не подменив, но *дополнив и обогатив* западноцентричное мировидение элементами конфуцианской этики и индийской практики ненасилия («сатьяграхи»), лузобразильской традиции миротворчества и российской «всемирной» отзывчивости. Глобальному социуму наверняка не повредили бы и более почтительное, «сыновнее» отношение к природе, свойственное многим индейским и африканским культурам, и даже (осмелимся предположить!) некоторая толика *непрактичности и визионерства*, которые напрочь отсутствуют в протестантской этике, целиком «зацикленной» на материальный успех. Полезно было бы, наверное, и многое другое, от чего в пароксизме самовлюбленности западная цивилизация отказалась где-то на пике Возрождения. Не будем забывать, что

* Мо мнению проф. Абдулы Нафея, они «различаются по степени и характеру своей заинтересованности. Россия в большей степени обеспокоена вопросами безопасности. Китай — тем, что он, как и Восток в целом, недостаточно представлен в ключевых организациях, причастных к регулированию мировой экономики. Бразилиа и Индия пока не нашли своего места на глобальной экономической и политической арене. (BRICS: перспективы сближения и предпосылки взаимодействия..., с. 109).

** «BRICS-пессимисты» не склонны заносить высокие экономические показатели в категорию «мягкой силы». Но показатели показателям — рознь. Экономическое давление с целью политического принуждения или экономика как инструмент наращивания военной силы — это одно, а как средство ликвидации бедности и социального неравенства, наверное, что-то иное.

зачастую «новое» — это действительно хорошо забытое «старое» с одним только важным добавлением: на новом уровне исторического сознания.

Конъюнктурных изменений в пользу BRICS на мировом финансовом небосклоне и даже возможного принятия Бразилии, Индии и ЮАР в состав постоянных членов Совбеза ООН, а России — в ВТО было бы явно недостаточно для утверждения нового формата в качестве фактора роста и стабильности в мире на десятилетия вперед. Такие изменения не могли бы рассматриваться иначе, как достижение этими странами своих *сугубо тактических, конъюнктурных целей*, что само по себе отнюдь не гарантировало бы возможность выработки в мире нешаблонного, *стереоскопического* подхода к решению глобальных проблем, о котором мы говорили в предыдущих статьях²⁰. Наоборот, достижение ими этих целей вполне может привести к стагнации и медленному умиранию очередной, созданной фактически *ad hoc*, «новой» структуры, либо к ее дезинтеграции под влиянием внутренних противоречий. Промежуточный характер тактических целей для нас очевиден, равно как очевидно и то, что историческое предназначение инициативы BRICS гораздо содержательнее и перспективнее непосредственных политических устремлений отдельных участников этого формата.

Хочется думать, что у лидеров восходящих стран хватит решимости продолжить взятый совместно курс на построение *многоцивилизационной* формы глобального мироустройства и на отказ от следования привычным канонам политики права силы и экономики вмененного потребления. Если же они намерены ограничиться тактическими целями, тогда в «многополярном» (по определению, а не по сути!) мире не изменится ровным счетом *ничего*. *De facto* там по-прежнему будет господствовать одна цивилизация, одна культура и одно мировидение — западноцентричное, лишь немного «разбавленное» участием других *стран* (но не цивилизаций!), которые будет «милостиво» допущены к дележке бонусов власти. Мало того, сам *raison d'être* идеи многополярного мира будет в этом случае основательно скомпрометирован, и неизвестно когда и с какими участниками эта идея тогда возродится.

Ситуация отчасти будет напоминать собой ту, которая имела место в мире перед Первой мировой войной и естественным же образом привела к ней. Многие, особенно американские политологи, пытаются выдать ее сегодня за «многополярность». Но те, кто так считают, сознательно или нет умалчивают о том, что добровольный отказ России и Японии, соответственно, в XVIII и XIX вв. от их собственной цивилизационной «самости» в обмен на допуск в «клуб великих», сделал его цивилизационно-однородным и однополюсным, если не сказать больше — «однопартийным». Ну, а следующая так называемая «многополярность», существовавшая, якобы, в период между двумя мировыми войнами, вообще в комментариях не нуждается.

Итак, выбор у нас небогат: либо «Заря новой эры» (и непременно с большой буквы!), либо приевшаяся ситуация *business as usual* («жизнь идет своим чередом»), когда глобальные проблемы политкорректно проговариваются, но не решаются из опасений что-то поменять в пока еще («ну, на наш век хватит!») худо-бедно функционирующей системе. Но в истории человечества не раз бывали моменты, когда оно стояло перед перспективой жесткого выбора, и с честью выходило из сложных ситуаций. Будем надеяться, что так произойдет и на сей раз. России и Бразилии, как «погранич-

ным» цивилизациям, предстоит сыграть в этом выборе немаловажную роль в качестве своеобразных «мостков» между Западом и Востоком, Севером и Югом нашей планеты. Но об этом — в нашей следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.М.Давыдов, А.В.Бобровников. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении) М., 2009. с. 15, 18.

² BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, India and China. New Delhi, 2010, p. 5.

³ БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. Сборник докладов и выступлений на международной конференции. М., 2010., с. 27.

⁴ BRIC in the New World Order....., p. 165.

⁵ Ibid., p. 35.

⁶ Международные процессы, 2009, № 1, с. 12—13.

⁷ БРИК: предпосылки сближения..., с. 110.

⁸ P. V o r b a C a s e l l a. BRIC. Brasil, Rússia, India, China e Africa do Sul. Uma perspectiva da cooperação internacional. São Paulo, 2011, p. 8.

⁹ The World in 2007. — The Economist. London, 2008, p. 14.

¹⁰ Foreign Policy, 2004, July/August, p. 32-39.

¹¹ В.М.Давыдов, А.В.Бобровников. Указ. соч. с., 24—25.

¹² Política Externa. 2011, Mar/Abr/Mai, N 4, p. 118.

¹³ Н.А.Симонья. Социально-экономические аспекты глобального лидерства. — Международные процессы, 2010, № 3, с. 16—29.

¹⁴ El Mundo, 8.IV.2011.

¹⁵ Ph.Z i m b a r d o. The Time Paradox. New York, 2008, p. 256—257.

¹⁶ F.F u c u a m a. Gene Regime. — Foreign Policy, 2002, March/April, p. 59.

¹⁷ http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_suicide_rate

¹⁸ Демографические перспективы России. М., 2008, с. 502.

¹⁹ БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия..., с. 109.

²⁰ Подробнее см.: Б.Ф.Мартынов. «Многоцивилизационный или многополярный мир?» — Международные процессы, 2009, № 3; е г о ж е. Хосе Марти, глобальные вызовы и правило «обратной перспективы». — Латинская Америка, 2010, № 12.